

RU

Субъект и его отношение к бытию в традиционной тувинской культуре

Данчай-оол А. А., Монгуш С. О.

Аннотация. Цель исследования – выявление важнейших черт субъективности бытия в традиционной тувинской культуре через определение сущности субъекта и фундаментальных черт картины мира. В статье подчеркнуты ценные признаки субъективности для культуры, обеспечивающие ее адаптационный и творческий потенциал. Установлены онтологические, гносеологические, антропологические, экзистенциальные и ценностно-смысловые аспекты понимания сущего тувинцами. Научная новизна исследования заключается в философской реконструкции картины мира традиционной тувинской культуры и в выявлении черт коллективного субъекта в тувинской культуре. В результате установлено, что субъективность основана на влиянии природы на картину мира тувинцев и синкретизме, полисемантичность образов культуры формировала многообразие методов интерпретации, содержание образа бытия включало только локальность, само бытие являлось живым. Синкретизм мировоззрения не вызывал необходимость в выработке метафизических и трансцендентальных понятий, в результате не образовалось дихотомии субъекта и объекта, человека и природы. Субъективность наполнялась не идеями атомизированного индивида, а неразделенностью человека и природных процессов. Субъектность обнаруживается не только в человеке и народе, но и в природных феноменах. Традиция, как метод развития тувинской культуры, является основой складывания уникального мировоззрения. Контекстуальность не только определяла мышление, но и влияла на способ существования субъективности.

EN

The subject and its relation to being in traditional Tuvan culture

A.A. Danchai-ool, S. O. Mongush

Abstract. The study aims to identify the key features of the subjectivity of being in traditional Tuvan culture by defining the essence of the subject and the fundamental traits of its worldview. The article highlights the valuable characteristics of subjectivity within culture that ensure its adaptive and creative potential. Ontological, epistemological, anthropological, existential, and axiological aspects of the Tuvans' understanding of existence are established. The scientific novelty of the study lies in the philosophical reconstruction of the worldview of traditional Tuvan culture and in identifying the features of the collective subject within Tuvan culture. The research establishes that subjectivity was grounded in the influence of nature on the Tuvan worldview and in syncretism; the polysemy of cultural images shaped a diversity of interpretive methods; the content of the image of being was defined by locality, while being itself was conceptualized as living and animate. The syncretism of this worldview negated the need for developing metaphysical and transcendental concepts, resulting in the absence of a subject-object or human-nature dichotomy. Subjectivity was informed not by ideas of an atomized individual, but by the indivisibility of human beings and natural processes. Subjecthood is revealed not only in the individual and the community, but also in natural phenomena. Tradition, as a method of cultural development, serves as the foundation for shaping this unique worldview. Finally, contextuality not only determined modes of thinking but also directly influenced the mode of existence of subjectivity itself.

Введение

В условиях глобализации и унификации культурных моделей обращение к традиционным обществам, сохраняющим альтернативные способы бытия и самосознания, приобретает особое значение. Традиционная тувинская культура является уникальным примером синкретичного мировоззрения, сохранившего свое ядро в современности. Исследование природы субъективности позволяет расширить философские представления

о возможных модусах человеческого существования. Субъективность культуры, в которой она создает замкнутый и самодостаточный мир, обеспечивает устойчивость и преемственность в развитии, что является предельно ценным в наши дни.

В современных исследованиях тувинской культуры рассматриваются отдельные аспекты отношений субъекта к бытию: синкретизм мышления (Будегечиева, 2023, с. 39), отсутствие метафизических оснований, неразделенность субъекта и объекта (Данчай-оол, Даваа, 2024а). Однако попыток философского анализа субъективности бытия как системообразующей категории до сих пор не предпринималось. Конечно, бытие как понятие или концепт не было сформировано в тувинской культуре, но некоторые черты этого феномена мировоззрения обнаруживаются.

Объектом исследования выступает традиционная тувинская культура, то есть тувинская культура до ее модернизации в XX веке. Предметом – природа субъективности, способы самосознания, волеизъявления и переживания бытия человеком в тувинской культуре.

Для достижения цели исследования определены следующие задачи:

- выявить онтологические и гносеологические основания субъективности;
- проанализировать антропологические особенности субъекта;
- исследовать проблему свободы воли и ответственности;
- раскрыть ценностно-смысловые аспекты субъективного бытия.

Методологически исследование основано на сочетании методов философской реконструкции, герменевтики, структурно-семиотического анализа и компаративного подхода (сопоставление с европейскими моделями субъективности). При помощи философской реконструкции выявлен комплекс фундаментальных черт картины мира традиционной тувинской культуры. Герменевтика применена в интерпретации традиций, сюжетов фольклора, методов понимания человека, природы и мира. Структурно-семиотический анализ определяет уникальный взгляд на природу как основу бытия. Компаративный подход сквозь призму европейской персоналогии раскрывает альтернативное осуществление субъективности в тувинской культуре.

Значительные исследования тувинской культуры, проведенные с конца XIX века этнографами (Вайнштейн, 1975; Грумм-Гржимайло, 2007; Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1989), позволяют конструировать определенные черты мировоззрения и самосознания тувинцев. Кроме того, модернизация и глобализация, как процессы, затронувшие развитие тувинской культуры, дают возможность выявлять уникальные черты традиционных культур.

Теоретической базой исследования послужили работы, в которых описываются значимые аспекты тувинского мировоззрения, феномены тувинской культуры, особенности религиозного синкретизма. М. Б. Кенин-Лопсан раскрывал особенности мироощущения тувинцев посредством описания традиций, обрядов (2008). О. М. Хо-мушку подробно исследовала синкретизм шаманизма и буддизма в тувинской культуре (1998). А. К. Кужутет описывала динамику развития тувинской культуры (2009). Ч. К. Ламажаа выявила основы архаизации и модернизации тувинской культуры (2013), что позволяет обнаружить черты традиционного мировоззрения.

Практическая значимость исследования заключается в уточнении инструментария, к которому обращаются культурологические, этнографические и социологические исследования тувинской культуры. Аутентичные методы понимания субъективности традиционной тувинской культуры не могут корректно анализироваться в европоцентристской, субстанциалистской и рациональной методологии. Кроме того, выявление особенностей мировоззренческого ядра позволит выработать органичные педагогические практики.

Обсуждение и результаты

Объективность и субъективность являются важными чертами картины мира и мотивации человека, познающего мир и себя. На первый взгляд, очевидно, что главной целью человека должно быть достижение максимальной объективности в познании мира. Необходимость выхода за субъективность сформулирована в европейской культурной традиции еще в античной философии (Платон, 1994, с. 262), а в восточной традиции – в рамках буддизма (Абрамов, 2021). В то же время между этими двумя философскими концепциями есть огромная разница. Но в рамках данного исследования внимание направлено на логическую линию, приводящую к формированию мировоззрения тувинцев.

Субъективное в философской энциклопедии определено как то, «что характеризует субъект или же производно от субъекта и его деятельности» (Лекторский, 2010, с. 662). Исходя из такого определения, авторы статьи отмечают, что субъект не может полностью раствориться в объективности, так как это приведет к утрате его сущности. Субъектностью обладает не только отдельно взятый индивид, а также социальная группа, объединенная общими ценностями или культурными идеалами (Касавин, 2015). Кроме того, общность такой группы формируется за счет определенных параллелей в картине мира. В европейской традиции концепция трансцендентального и интерсубъективного источника познания была сформулирована в философии И. Канта (1964, с. 21). О надындивидуальном образовании в виде симфонической личности в русской философии писал Л. П. Карсавин (1992, с. 99). В целом идея прогресса основана на универсальном понятии человека, являющегося представителем всего человечества. При этом идея прогресса имеет какую-то определенную цель. Но в случае тувинской культуры до ее модернизации не обнаруживаются черты духовного или культурного единства, вследствие чего не было сформировано национальное самосознание. То есть субъектность до XX века не проявлялась на общетувинском уровне, она должна была обнаруживаться на более низких уровнях социального объединения.

В проблемном русле данного исследования наличие коллективной субъектности означает и существование коллективной субъективности. Она, конечно, является для индивида объективной реальностью. Человек на основе культуры создает свою индивидуальную субъективную картину мира. Однако же в общемировом культурном пространстве неповторимое мировоззрение или ментальность какой-либо коллективной субъективности выступают предельно ценными. Как для отдельной социальной группы до некоторой степени наличие внутреннего многообразия мнений и голосов оказывается наиболее эффективным в адаптации к внешним изменениям, так и для коллектива или народа является ценным внутреннее культурное многообразие. Традиционная тувинская культура обладала семантическим разнообразием, то есть ее образы и идеи трактовались каждым человеком по-своему. Отсутствовал жесткий и единый способ интерпретации культурных феноменов, как это происходит в современности. Это семантическое разнообразие сформировано благодаря субъективности традиционной тувинской культуры.

Такое культурное многообразие является достаточно эффективным методом сохранения адаптационного и динамического потенциала социума (Järvelä, 2023). По этой же причине жизнеспособность народа в значительной степени определяется его творческим потенциалом, богатством образов, идей, ценностей.

Онтологические и гносеологические основания субъективности

Одной из фундаментальных характеристик субъективности в традиционной тувинской культуре является синкретизм. Синкретизм здесь понимается не как примитивная нерасчлененность, но как особый способ мышления, в котором субъект и объект, познание и бытие, человек и мир не противопоставлены друг другу. Субъект в процессе познания не встает в позицию внешнего наблюдателя по отношению к объекту, он существует в состоянии онтологического единства с ним (Данчай-оол, Даваа, 2024a).

В рамках европейской классической философии бытие и мышление тождественны, что означает взаимосвязь мироустройства и познания. Этот принцип в тувинской культуре проявляется в соотношении человеком себя с природными феноменами. Источник мышления в традиционной тувинской культуре в естественном порядке вещей. С современной точки зрения в тувинской культуре субъективный элемент в основе мышления отсутствует, так как существует только объективный порядок природы.

Бытие в тувинской культуре – это живая, практически переживаемая реальность. Если быть точнее, то бытие определено концептом «жизнь». Вне реальности в тувинской культуре ничего нет. Сам мир является живым и жизнь простирается на все сущее (Кухта, Кужугет, Пелевина, 2022). Человек в условиях кочевого образа жизни сильно зависит от природы и климатических условий, у него возникает необходимость максимальной адаптации к окружающей действительности. Естественным образом человек не может осмыслить настолько динамическую сущность, что приводит к внутренним противоречиям и хаотичным представлениям. Классический для культурологии и антропологии космогонический сюжет, в котором мир творится из хаоса и направлен на утверждение порядка в космосе, не совсем применим к тувинской культуре. Так как элемент хаотичности содержит в себе важный потенциал развития бытия (Волошинов, Табаякова, 2017).

Из синкретичности мышления вытекает отсутствие метафизического мышления в европейском смысле. Сознание человека в традиционной тувинской культуре оперирует локальным пространством, тем, что непосредственно дано в чувственном опыте. Оно не нуждается в надприродных, абстрактных понятиях, которые требовали бы выделения субъекта как автономной познавательной инстанции. Человек не противопоставляет себя миру, напротив, он «растворен» в окружающем пространстве (Данчай-оол, Даваа, 2024b). Эта «растворенность» является не следствием какой-либо теории, а закономерным результатом жизнедеятельности в конкретных культурных и экологических условиях, где выживание и воспроизводство бытия предполагают неразрывную связь с природным и социальным окружением. Отдельно взятый человек растворялся в родовой группе, без которой выжить невозможно. Практическая деятельность человека осуществлялась в соответствии с моделями взаимодействия коллективного субъекта с природой.

С этим же связана одна из наиболее ярких особенностей тувинского мировоззрения: отсутствие концепта небытия, тождественного европейскому. В европейской философской традиции, начиная с Парменида, бытие мыслится через противопоставление небытию (Семенов, 2014), и субъект сталкивается с радикальной онтологической угрозой собственного несуществования. В тувинской культуре мир не понимается как результат творения из ничего, он существует как циклическая данность, в которую субъект изначально включен. Эта онтологическая уверенность определяет особый, неметафизический, модус субъективного бытия, в котором отсутствует экзистенциальная тревога перед небытием.

Важным основанием субъективности является ее контекстуальность, которая приводит к смещению источника индивидуальности в сторону природы и общества (Данчай-оол, Монгуш, 2024). Субъективность здесь не оказывается автономной и самодостаточной субстанцией. Она всегда конкретна, привязана к месту, времени, обстоятельствам, родовым связям. Индивид не существует «сам по себе» – его субъективность разворачивается только в конкретном контексте его родовой, семейной и природной принадлежности.

Наконец, субъективность в тувинской культуре локальна. Универсалии мышления, которые неизбежно разворачивались в европейской культуре (идея всеобщего закона, универсальной истины, метафизического Абсолюта), не создавались в тувинской культуре, оперирующей только локусом. Субъективность не стремится к универсальности и всеохватности, она ограничена известным, локальным пространством. Это не означает ограниченности мышления, но означает его принципиальную укорененность в конкретном, данном, освоенном мире.

Антропологические аспекты субъективности: природа субъекта

Из изложенных выше онтологических и гносеологических оснований вытекают специфические антропологические черты субъекта в тувинской культуре. В соответствии с компаративным подходом можно обратиться к фундаментальным аспектам бытия человека в европейской науке. То есть необходимо проанализировать особенности развертывания индивида, личности и индивидуальности в тувинской культуре.

Прежде всего, индивид не мыслится как неделимый атом социальных отношений. В европейской философской традиции, особенно в новоевропейской, индивид выступает как автономный, самодостаточный субъект, чья идентичность определяется его внутренним миром и способностью к самосознанию. В тувинской культуре, напротив, индивид является органичной частью системы «индивид – общество – природа» (Данчай-оол, Даваа, 2024а). Он не противопоставляет себя социальной системе, а реализуется в ней и активно воссоздает социальные структуры.

Это проявляется и в отсутствии идентичных европейским форм понимания души и личности в тувинской культуре. Понятие индивидуальности, как оно сложилось в европейской культуре, основано на религиозном мировоззрении, в котором формируются понятия «Абсолюта», субстанции и бессмертной души. Эти концепты в тувинской культуре не имеют идентичных форм. Душа в тувинской традиции (как и в других сибирских культурах) не является неделимой субстанцией, она может разделяться на составляющие (Дьяконова, 1975, с. 88) или виды (тын, кут, сунезин) (Юша, 2022). Это указывает на принципиально иную онтологию субъекта, в которой границы человеческого «Я» подвижны и не совпадают с границами тела или сознания.

С этой подвижностью границ связан и другой важный аспект: в мифологии и религиозной системе обнаруживаются примеры уподобления человека другим живым существам, которые существуют в едином природном пространстве. Человек в эпосе и ритуале может уподобляться животному, духу природы, предку-тотему. Границы между человеческим и не-человеческим здесь не жесткие, а проницаемые, субъектность не является исключительной прерогативой человека, но распределена во всем природном мире.

Что касается такого концепта европейской культуры, как личность, то следует подчеркнуть, что это понятие отсутствует в тувинской культуре, но подобное состояние человек достигает в духовной связи не только с обществом, но и с природой. У нее тувинцы учились морально-нравственным основам взаимодействия со всеми живыми существами.

В результате понимание человека в традиционной тувинской культуре происходит посредством аутентичных способов видения его в структуре общества, методов социальной самореализации, органичного растворения в природном пространстве.

Наконец, ключевым пространством субъективности в традиционной тувинской культуре выступает не индивид, а семья и род. Как показывают социокультурные исследования (Момбей-оол, 2018; Кужугет, 2009; Тарбастаева, 2010), в тувинской культуре человек не выделял индивидуальных политических, экономических, культурных и социальных интересов. В своем мышлении он оперировал только семейными и родовыми интересами. Субъективность, таким образом, не является индивидуальной в европейском смысле. Она развертывается в пространстве рода и семьи, и именно эта родовая субъективность обеспечивает непрерывность бытия.

Проблема свободы воли и ответственности субъекта

Проблема свободы воли и ответственности в традиционной тувинской культуре получает оригинальное решение, принципиально отличное от европейского. Поскольку субъект-объектная дихотомия не является здесь исходной, то не формируется и противоречий в реализации своей свободы воли и необходимости в развитии природы. Свобода воли не вступает в конфликт с естественной необходимостью, потому что человек не противопоставлен природе, а действует в согласии с ней (Данчай-оол, Даваа, 2024b). Он не должен подавлять природу своей волей или, напротив, подавлять свою волю ради природы, его свобода и есть действие в соответствии с природным и космическим порядком.

Следовательно, ответственность в тувинской культуре – это долг перед космическим и родовым порядком, а не перед абстрактным моральным законом. В европейской философской традиции (особенно в кантовской этике) ответственность предполагает автономного морального субъекта, следующего универсальному моральному закону (Глебова, 2025). В тувинской культуре, напротив, ответственность не предполагает автономного морального субъекта, она вытекает из включенности человека в систему родственных и природных связей. Ответственность – это не исполнение абстрактного долга, а поддержание гармонии в том конкретном мире, в котором человек существует.

Отсюда следует, что в тувинской культуре не сформирована персонология по европейскому образцу. Субъект не мыслится как автономная личность, несущая ответственность за свои действия перед трансцендентным Абсолютом. Его свобода и ответственность всегда контекстуальны и обусловлены его местом в космическом и социальном порядке. Это не означает отсутствия свободы или ответственности как таковых, но они имеют иную природу – не метафизическую, а онтологическую, связанную с самим способом существования человека в мире.

В такой картине мира моральный выбор совершается не только человеком, но и самой природой, а также любыми живыми существами. В тувинском фольклоре описываются сюжеты, в которых какие-либо животные или духи совершают злые поступки и несут за это наказание. В то же время диапазон действий субъекта,

изложенный в традиционных сюжетах тувинской культуры, для современного человека неприемлем. Герой какого-либо произведения может совершать довольно жестокие поступки и при этом не чувствовать внутреннего морального конфликта. Например, богатырь Сагаан-Тоолай в сказании «Баян-Тоолай» побеждает чудовище Амырга-Моос и разрубает его тело на части или разбрасывает части его тела (Тувинский героический эпос, 1990, с. 264), в другом сказании «Танаа-Херел» главный герой неоднократно расправляется с целым войском (Тувинский героический эпос, 1990, с. 127).

Традиционная тувинская культура создает свое уникальное видение моральной ответственности человека и возможных границ его действий. Природоцентричное мировоззрение формирует неповторимые рамки практических действий человека, что и создает основу особого экологического мышления, где человек не вышше себя среди других живых существ, а видит себя равным другим. Он не может совершать аморальных поступков не только по отношению к людям или животным, а даже к растениям и духам.

Субъективное в моральной системе позволяет поддерживать прямую связь с окружающими природными условиями и закрепить в сознании людей не только моральную связь с живыми существами, но и практическую зависимость от них.

Ценностно-смысловые аспекты субъективного бытия

Ценностные ориентации субъекта в тувинской культуре вытекают из тех же оснований, что и онтологические. Во-первых, природа здесь обладает абсолютной ценностью и неповторимостью. Субъективность черпает свои смыслы не из автономного «Я», не из внутреннего мира индивида, а из включенности в комплекс природных объектов. Индивидуальность раскрывается не через самотождественность и самосознание, а через связь с природой. Это не означает растворения личности в безличной природе, напротив, через эту связь личность обретает свою уникальность и подлинность.

Второй важный ценностный аспект – преемственность поколений и традиция как способ бытия субъекта. Тувинская культура относится к традиционному типу, в котором воспроизведение и создание осуществляются на основе преемственности поколений. Субъективность не ориентирована на инновацию и разрыв с прошлым, она существует как продолжение и воспроизведение родового опыта. Ценность здесь ориентирована на традицию, а не на прогресс. Это означает, что субъект обретает свою подлинность не через новое, а через точное воспроизведение переданного предками образа действия.

Третья особенность касается понимания творчества. Источник творчества мыслится в самой природе, а не в субъекте человека. Роль субъекта здесь становится абсолютной, но эта абсолютность – не автономия, а включенность в космический процесс упорядочивания. Творец не создает из ничего, он восстанавливает, поддерживает, воспроизводит изначальный порядок. Естественная циклическая гармония бытия является самоценной. Понимание этой природы основано на морали, которая базируется не на антропоцентризме. В тувинском мифе «Дириг амытаннар урези канчаар тывылганыл» (Как произошли все живые существа) говорится о том, что в возникновении семени живых существ свою роль сыграли не только человек-первопредок и благие сущности, но и злые силы природы (Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010, с. 55). В этом образе видны единство всех феноменов природы и взаимосвязь их творческого потенциала.

Ценности, которыми руководствовались тувинцы, естественным образом создавались обществом из взаимодействия с природой. Интерпретация этих ценностей происходила в социальной модели, согласно которой интериоризация идей и ценностей являлась результатом осмысления образов природы.

С точки зрения современной технологической культуры простое воспроизведение природных образов не создает богатое творческое пространство. Однако субъективность мировосприятия, сформированная на предельно многообразных природных формах, создает широчайшие возможности для создания новых идей, образов и интерпретаций. Отчасти это объясняет творческое богатство тувинской культуры (Будегечиева, 2023, с. 18).

Заключение

Проведенная реконструкция картины мира традиционной тувинской культуры позволяет сделать вывод о том, что субъективность бытия в ней представляет собой особый, неметафизический модус существования. В этом модусе субъект не противопоставлен объекту, не выделен из природы и не мыслится как автономная, самотождественная субстанция. Субъективность индивида здесь контекстуальна, локальна и раскрывается через включенность в родовые, природные и космические связи. Коллективный субъект проявляется в роде, который являлся носителем аутентичной картины мира, образа человека, ценностей. Совокупность этих аспектов создавала субъективность рода, его неповторимость и своеобразие коллективного опыта. Пространство тувинской культуры было сформировано множественными родами, разнообразие которых и создавало широкий спектр интерпретации ценностей и идеалов. Все эти роды и родовые группы были объединены идеей органичного единства человека и природы.

В европейской традиции субъективность оформляется через противопоставление субъекта объекту, а также через обнаружение самосознания и автономной воли. В тувинской культуре субъективность не требует самоидентификации через выделение своего «Я». Она существует не как результат рефлексии, а как непосредственное переживание единства с миром. Свобода воли здесь не вступает в противоречие с необходимостью

природы, а ответственность не предполагает трансцендентного морального закона, поскольку ответственность – это ответственность перед космическим и родовым порядком.

Так как современный человек находится в глобальном информационном пространстве, то его потребность в самоидентификации приводит к соотносению себя и своей социальной группы с мировым сообществом. Это требует доказательств ценности своей культуры и своих идей для всего глобального сообщества. Однако это служит причиной размывания и отрыва от корней.

Субъективность и самодостаточность позволяют достичь оптимального уровня культурного развития, обеспечивающего сохранность и адаптивность культуры. Кроме того, тувинская культура обладает семантическим разнообразием, что не формировало универсальный и «идеальный» образ бытия. Это позволило сохранить субъективность картины мира.

Таким образом, тувинская культура предлагает альтернативную модель субъективности, которая не укладывается в рамки европейской философской традиции. Исследование этой модели может быть полезно не только для понимания самой тувинской культуры, но и для расширения философских представлений о возможных модусах человеческого существования.

Перспективы исследования связаны с компаративным анализом субъективности в тувинской и других сибирских культурах, а также с исследованием трансформации субъективности в условиях модернизации и глобализации, где традиционная природоцентричная модель сталкивается с западной персонологией.

Материалы исследования | Research materials

1. Лекторский В. А. Субъективное // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. III.
2. Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010.
3. Тувинский героический эпос. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990. Т. I.

Источники | References

1. Абрамов П. Д. Онтология трех миров в контексте буддийской философии // Философская мысль. 2021. № 9. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.9.36420>
2. Будегечиева Т. Б. Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации: монография: изд. 2-е испр. Кызыл: Тувинск, 2023.
3. Вайнштейн С. И. Этнографическое изучение тувинцев (К 200-летию этнографических исследований в Туве) // Ученые записки: сборник статей. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1975. Вып. 17.
4. Волошинов А. В., Табожакова Ю. В. Трансформация концепта «хаос» в истории культуры // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.7.28>
5. Глебова С. В. О проблеме (без) ответственности в этике И. Канта // Дискурсы этики. 2025. № 1 (25).
6. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран // Урянхай: Тыва дептер: антология: в 7 т. М., 2007. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.).
7. Данчай-оол А. А., Даваа Е. К. Проблема индивидуальности в традиционной тувинской культуре // Философская мысль. 2024а. № 12. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2024.12.72149>
8. Данчай-оол А. А., Даваа Е. К. Свобода воли в синкретизме тувинской культуры // Общество: философия, история, культура. 2024б. № 10 (126). <https://doi.org/10.24158/fik.2024.10.7>
9. Данчай-оол А. А., Монгуш С. О. Социокультурные аспекты концепта «общество» в традиционной тувинской культуре // Философия и культура. 2024. № 12. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2024.12.72561>
10. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975.
11. Кант И. Критика чистого разума: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
12. Касавин И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4.
13. Кенин-Лопсан М. Б. Дыхание Черного Неба: мифологическое наследие тувинского шаманства. М.: Велигор, 2008.
14. Кужугет А. К. Проблемы исследования культуры Тувы // Новые исследования Тувы. 2009. № 1-2.
15. Кухта М. С., Кужугет А. К., Пелевина Н. Е. Территория смысла традиционной культуры Тувы // Северные Архивы и Экспедиции. 2022. № 2. Т. 6. <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2022-6-2-87-93>
16. Ламажаа Ч. К. Архаизация общества: Тувинский феномен. М.: ООО Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
17. Момбей-оол С. М. Идеал человека в традиционной культуре тувинцев как форма подготовки к семейной жизни // Семья и дети в современном мире / под общей и научной редакцией В. Л. Ситникова. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. Т. IV.
18. Платон. Государство: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 3.
19. Семенов Д. В. Категория небытия в античной философской традиции: Парменид, софисты, платон, неоплатоники // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2014. № 1.

20. Тарбастаева И. С. Тувинская семья – традиции и современность // Новые исследования Тувы. 2010. № 2.
21. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Новосиб. отд. изд-ва Наука, 1989.
22. Хомушку О. М. Религия в истории культуры Тувинцев. М.: Наука, 1998.
23. Юша Ж. М. Жанровая специфика шаманских нарративов в фольклорной традиции тувинцев // Критика и семиотика. 2022. № 2. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-2-258-274>
24. Järvelä M. Dimensions of cultural sustainability – Local adaptation, adaptive capacity and social resilience // Frontiers in Political Science. 2023. Vol. 5. <https://doi.org/10.3389/fpos.2023.1285602>

Информация об авторах | Author information

RU

Данчай-оол Аяс Анатольевич¹, к. филос. н.

Монгуш Салбак Онер-ооловна², к. филос. н.

¹ Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого

² Тувинский государственный университет

EN

Aias Anatolyevich Danchai-ool¹, PhD

Salbak Oner-oolovna Mongush², PhD

¹ Professor V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

² Tuvan State University

¹ dayas@inbox.ru, ² monghush.1975@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.08.2026; опубликовано online (published online): 29.09.2026.

Ключевые слова (keywords): тувинская культура; субъективность картины мира; человек в традиционной культуре; традиционная культура; синкретизм человека и природы; субъективное бытие; субъект культуры; Tuvan culture; subjectivity of the worldview; human being in traditional culture; traditional culture; syncretism of humans and nature; subjective being; subject of culture.